

Виктор Воронков, Ингрид Освальд

Введение. Постсоветские этничности

Еще до начала исследований мы неоднократно обсуждали феномен массового образования и бурного развития этнических ассоциаций в Петербурге и других крупнейших российских городах в период перестройки. Мы встали перед вопросом, что означает сегодня для петербургских жителей их этническая принадлежность, поскольку в их предшествующей жизни такая идентичность — хотя «национальность» и указывалась в различных документах — была практически малозначимой, оттесненная на задний план всеобщей «советской» повседневной культурой.

Позже — в процессе анализа информации о формировании этнической идентичности и этнических общин — тезис о потере значения этничности был поставлен под сомнение. Действительно, в Петербурге официальные этнические организации представляют собой центры мобилизации, где разрабатываются представления о правилах и практиках этнического поведения и идет активное обучение этим практикам, здесь формируются «этнические коды», которые могут служить катализаторами для дальнейшей этнизации. Все это подробно описано в последующих статьях. С другой стороны, мы можем утверждать, что подавляющее большинство населения Петербурга к такой работе по формированию этнической идентичности совершенно равнодушно. В целом же данные исследования, безусловно, демонстрируют высокую пластичность этнической идентичности, которая чутко реагирует на социальные изменения.

1. Постановка проблемы

Исходным пунктом исследования стал вопрос о том, какими путями идет этническое ассоциирование в российских городах на фоне

распада СССР и многочисленных этнических конфликтов в новых государствах и на российской периферии. Эти конфликты по крайней мере выдаются за «этнические», хотя в большинстве случаев совершенно очевидно, что их причиной является экономическое и социальное неравенство, которое лишь облекается в этнические одежды.

Напротив, в российских городах каких-либо организованных этнических конфликтов не наблюдается, хотя и констатируется рост ксенофобии, направленной большей частью против уроженцев Кавказа. Открытие новой «этничности», а именно «лиц кавказской национальности», обобщило многочисленные этнические группы Кавказа, нивелировало различия между ними и создало яркий образ врага, что имело следствием частичное вытеснение прежнего антисемитизма.

Сильное изменение представлений о приписываемых себе и другим тех или иных чертах побудило нас придерживаться рамок так называемой конструктивистской теоретической традиции, согласно которой этничность понимается как социальный конструкт. Это означает, что этнические группы и границы между ними определяются результатами социальной практики, а не заданы изначально и не связаны с некой эссенциальной данностью.

Мы не ставим здесь цели повторять то, что уже подробно изложено другими исследователями (например, Dittrich-Radtke [15], Dittrich-Lentz [14], Lentz [18]) в дискуссии между конструктивистами и эссенциалистами (примордиалистами). Мы применили для анализа постсоциалистического общества конструктивистский подход, который абсолютно доминирует в социологической литературе, особенно в англоязычной.

Причина этого выбора связана с тем, что в значительном числе западных публикаций констатируется «дефицит модернизации» в прежних социалистических обществах. В качестве модели обычно выбирается Советский Союз (например, von Weizsäcker [7], Offe [21]), при этом ответственность за отставание возлагается в значительной мере на подавление развития этнических групп при социализме [26]. Соответствующая — эссенциалистская — логика аргументации гласит, что отдельные «народы» должны сначала «найти себя», то есть образовать нацию, и только после этого появится возможность развивать современное общество по западному образцу. Индивидуальные или коллективные этнические стратегии в прежних социалистических обществах интерпретируются, таким образом, как «досовременные»

формы интеграции этнических интересов, которые должны быть преодолены прежде, чем соответствующие страны войдут в ряд современных западных обществ.

Эта точка зрения поддержана проводимыми в этих странах многочисленными исследованиями этничности и национализма, которые стали необычайно популярными на фоне формирования национальных государств. В подобных исследованиях используются почти исключительно примордиалистские, эссенциалистские подходы; лишь в последнее время — это относится к России/Советскому Союзу — начали появляться новые подходы [2; 3].

Правда, тезис о «досовременности» форм интеграции этнических интересов на территории бывшего СССР не особенно убедителен на фоне широко распространенного сегодня — в том числе и в «современных» западных обществах — *ethnic revival* в политике, средствах массовой информации и социальных науках. Он мог бы, однако, иметь эвристическую ценность, если возможно было бы рассматривать (пост-)советское общество как социально нивелированное целое, где бегство в этничность представляло бы собой единственную или одну из немногих приемлемых форм дифференциации. Кроме того, не следует забывать и о противоположном тезисе об особо благоприятных условиях для этнических факторов в современном обществе в целом [25].

Вышесказанное позволяет понять, почему уже с самого начала мы решили использовать определенный теоретический подход. Для нас смысл не в том, чтобы проникнуть в «сущность» этничности или, соответственно, проверить на «правильность» эссенциальные определения отдельных этнических групп. Для наших исследовательских намерений эти вопросы не представляют интереса. Нам интересовало, как и почему в ситуации быстрых и радикальных социальных изменений идет процесс приписывания той или иной этничности, как структурируются образцы коммуникации и взаимодействия и тем самым де- и реконструируется социальное пространство.

В концептуальном фоне нашего исследования следует выделить два аспекта, отражающих элементарную структурную специфику общества как результат советской «модернизации»: противоположность города и деревни, с одной стороны, и следствия советской национальной политики — с другой. Первый из этих аспектов важен для концентрации внимания на формах этнической (ре-)ориентации в городах, так как социальные и экономические различия между го-

родом и деревней имели важные следствия для советского общества. Поэтому мы учли тот факт, что в постсоветских крупных российских городах уже в начале перестройки появились этнические ассоциации, так что этничность в определенной степени имела мобилизующую силу.

Можно констатировать, что развивающаяся этнизация социальных отношений в крупных российских городах не приводит — в отличие от периферийных и пограничных областей бывшего Советского Союза — к открытым этническим конфликтам, и это можно было бы приписать особому модернизационному «превосходству» городов над сельской местностью. Однако мы можем лишь предположить, что значение приписываемых этнических критериев в городах существенно иное, чем на малоурбанизированных территориях, поскольку для подтверждения этой гипотезы необходимы соответствующие исследования в сельской местности. В любом случае не следует упускать из виду огромные различия в степени развитости внутри (пост-)социалистического общества, чтобы этот факт не препятствовал адекватному пониманию советского урбанизированного стиля жизни и значению его для мигрантов.

Второй аспект касается того факта, что Советский Союз был гигантским полигоном для социальных экспериментов, которые хотя и не принесли ожидаемых успехов в целом, однако детерминировали особенности социальной структуры и образцы социальных отношений, так что этнические формы выражения вряд ли могли рассматриваться как неизменные по содержанию. Вместе с советской модернизационной политикой национальная оставила важный след в формировании особого пути развития советского общества.

Нельзя утверждать, что цель создания гомогенного «советского народа» была достигнута, однако этническая упорядоченность и границы дореволюционной империи в советском государстве были столь решительно преобразованы, что простое возвращение в прежнее пространство идентичностей, конечно, невозможно. Произвольное проведение границ имело своим следствием новые этнические размежевания и объединения, то есть появились этнические группы, ставшие советским «открытием». Переселения и депортации на огромные расстояния способствовали конфликтам между такими этническими группами, которые в ином случае вообще бы не столкнулись между собой. Форсированное возникновение «национальных» элит в отдельных республиках благоприятствовало латентной этно-

кратии, которая проявилась сегодня во властном слое постсоветских государств. Эти государства, несмотря на часто выраженный полиэтнический состав населения, определяются как национальные (в этническом смысле). Конструктивистский характер этнического представления о постсоветском обществе очевиден, так что корни сегодняшней демонстрации «вечных» этнокультурных ценностей следует искать во влиянии советской модернизационной и национальной политики.

Эти предварительные размышления позволили уточнить вопросы, на которые мы хотели получить ответы в процессе исследования: какое значение имеет этничность для прежних советских граждан в крупных городах и какие причины привели к изменению смысла этничности? По практическим соображениям мы вынуждены были ограничиться изучением ситуации в Санкт-Петербурге, имея, однако, основания допускать, что этническая консолидация в других городах протекает весьма сходно. Это предположение опирается на немногочисленные исследования, ставившие перед собой сходные цели (например, Вгун [10]).

Однако поскольку нас интересовал контекст этнической (ре-)ориентации, то мы сочли важным провести сравнение с каким-либо несветским городом. Наш выбор пал на Берлин, поскольку здесь проживает относительно много выходцев из бывшего Советского Союза, численность которых, по некоторым оценкам, достигает 100 тысяч человек. Задачей исследования лишь в самой малой степени было сравнение, например, еврейских общин Санкт-Петербурга и Берлина. В первую очередь нас интересовало то, каким образом прежние советские граждане этнически себя определяют после распада СССР, насколько важна для представителей советских этнических меньшинств их этническая принадлежность и какие поведенческие ориентиры из этого следуют.

В процессе исследования в каждой из обсуждаемых здесь этнических групп было взято до нескольких десятков проблемно-ориентированных интервью, причем в Санкт-Петербурге особый акцент был сделан на «этнической биографии». Разговор строился вокруг того, как субъективно переживается этническая «инакость», «бытие другим», какие культурно-религиозные традиции поддерживались в семье, а также вокруг собственного опыта столкновений информанта с ксенофобией.

В Берлине эти вопросы тоже так или иначе обсуждались, однако акцент был перенесен на субъективное и коллективное осмысление

эмигрантского опыта, а также на проблемы интеграции эмигрантов в немецкое общество.

2. Применяемые понятия

Повсеместно признанными элементами «этничности» в их современном значении (в отличие от понятий «нация» или «народ») считаются, к примеру, общность культуры, исторический и современный опыт, а также представления об общем происхождении, на чем и базируется осознание идентичности и солидарности (ср.: [17, S.46]). При этом следует принимать в расчет то, что культурные признаки сильно варьируют в зависимости от применяемого понятия культуры, также весьма уязвимы и определения совместного исторического и современного опыта.

Возражения против подобных попыток определить этничность формулируются в первую очередь представителями конструктивистского подхода, которые, опираясь на Макса Вебера [28, S.307]), исходят из того, что различия между фиктивным и фактическим происхождением общества не имеют смысла, так как вера в общее происхождение уже укоренена в обществе (ср. также: [4]). Начиная, по крайней мере, от Фредерика Барта [5], на передний план выдвигается уже не перечисление считающихся обязательными «вещественных» культурных признаков, а вопрос функций и смысла этих признаков в связи с феноменом неравенства. Специфический для групп опыт взаимодействия и коммуникации, соответственно, становится решающим для определения правил приписывания себе и другим определенной этничности.

Эбнер Коэн [12, p.ix], к примеру, концептуализирует этнические группы, исходя из общности основных нормативных образцов поведения, в то время как Вольф-Дитрих Буков и Роберто Лариора [11, S.49] представляют социогенез этнических меньшинств как процесс, при котором переживаемый опыт неравенства активизирует и актуализирует этническую маркировку, сначала ее порождая. Они акцентируют внимание на ситуативных и интерактивных аспектах процесса этнизации, чем – и это схоже со многими новейшими работами по этничности – выводят на первый план коммуникационный контекст, генерирующий неравенство и укрепляющий его. В «социальном сценарии» передаваемое содержание коммуникации направлено, с одной стороны, на то, чтобы рутинизировать повседневные действия, а с другой стороны, – на то, чтобы расставить партнеров

по коммуникации и взаимодействию по определенным позициям в социальном пространстве [13].

На основе этих размышлений мы пришли к понятию этничности, которое непосредственно связано с определением Макса Вебера¹ (хотя и с акцентом на коммуникации и взаимодействии), то есть к пониманию этничности как процесса. Поэтому, говоря об этничности, мы ведем речь о форме групповой – возникшей в процессе приписывания себе и другим определенных черт – идентичности, характер которой не определяется «вещественными» культурными признаками, но в которой, однако, представление о различных широких общностях способствует формированию рамок для коллективных действий.

В этих рамках, например, возможно акцентировать одинаковость социального, территориального или генетико-биологического происхождения, что позволяет прежде всего рационализировать социальные и политические отличия от других групп. Следствием такого подхода становится понимание того, что этнические группы не являются статическими сущностями, к которым человек «объективно» принадлежит или не принадлежит. Напротив, принадлежность определяется через исторически меняющиеся критерии, по которым на первый план может выдвигаться то общее происхождение, то еще сохраняющие свою действенность традиции, обычаи и культурные аспекты, то совместные ожидания в будущем. Конечно, такую «конструкцию» не следует понимать превратно как акт свободного выбора; даже если нормы коммуникации и взаимодействия постепенно смещаются и меняются со временем, для каждого конкретного периода действия они все же в значительной мере представляются обязательными (см. также: [5]).

С подобным понятием этничности корреспондируют другие применяемые здесь понятия. Говоря об «этнической идентичности»,

¹ «Такие группы людей, которые на сходстве внешнего хабитуса или обычаев или того и другого вместе, или воспоминаний о колонизации и миграциях сохраняют субъективную веру в общность по происхождению, что важно для пропаганды укрепления общности, и если они не представляют собой "родства", мы хотим назвать "этническими". От родовой общины "этническая" общность отличается тем, что она сама по себе только (уверованная) "общность", а не община (Gemeinschaft), вроде родовой, с сутью которой связаны реальные общинные действия. Этническая общность (в указанном здесь смысле) в противоположность этому не есть собственно община, а лишь облегчающий процесс образования общины фактор. Она способствует самому различному, прежде всего, как показывает опыт, политическому, становлению общины» [28, S. 307].

следует принимать в расчет постоянное изменение ее восприятия и значений.

Здесь нет возможности и необходимости перерабатывать всю обширную литературу по процессам образования идентичности, которых касаются многие научные дисциплины. Однако уже самое общее определение идентичности как процесса идентификации индивида с социальными образцами поведения и ожиданиями его социальной среды или как необходимости все нового и нового согласования собственных притязаний с притязаниями других указывает на невозможность понимания идентичности таким образом, будто ее содержание раз и навсегда закреплено. Ни один индивид не находится напрямую во власти своей окружающей среды как таковой, но только опосредованно через семью, коллег по работе, друзей и знакомых, с которыми он объединен во всевозможных группах и с кем может развигивать совместные специфические для этих групп стратегии, могущие вступать в противоречия между собой.

В социализационной и ролевой теории подобные процессы хорошо описаны, поэтому здесь достаточно понимания этничности как частичной идентичности, которая вместе с другими частичными идентичностями связана с определенным ролевым репертуаром. В современных обществах, в которых индивиды должны справляться с большим количеством социальных ролевых ожиданий, это предполагает формирование множественной идентичности. В зависимости от контекста определенные частичные идентичности становятся значимыми или уходят на задний план, что следует понимать не только как пассивную реакцию на окружающую среду или на требования группы, но и как осознанное индивидуальное распределение приоритетов. Современное общество может способствовать, например, высокой оценке профессии в ущерб семье или полному вытеснению религиозной ориентации, но точно так же в другой жизненной фазе может, напротив, акцентировать важность поставленных под сомнение ценностей.

Поскольку речь идет о «современном» формировании идентичности, то есть ориентации на саморефлексию и включенность в один из выбранных самостоятельно стилей жизни [19], этничность играет лишь одну из ролей, как и прочие идентичности. В таком случае надо выяснить, при каких условиях этничность становится значимой наряду с другими частичными идентичностями, или даже их оттесняя. Это не следует понимать, разумеется, таким образом, что некая «дремлющая» внутри индивида этническая идентичность с конкрет-

ным содержанием в случае востребованности «пробуждается», как предполагают сторонники эссенциальных представлений об этничности. Этничность как социальный конструкт переворачивает в определенном смысле каузальную связь: конкретный случай определяет форму проявления имеющейся этнической идентичности, решая тем самым, какие аспекты этнической культуры, происхождения и/или будущего следует подчеркивать, почему и в каких формах они вписываются в специфический этнический дискурс.

Имеющиеся в виду референтные группы должны по мере необходимости устанавливаться эмпирически, поэтому следует пояснить применяемые нами здесь понятия «община» и «этническая группа», которые ни в коем случае не являются синонимами. Наше понятие «общины» опирается только на этнические организации и их членов.

Такие организации стали исходным пунктом нашего исследования, так как в них можно увидеть организованные начала этнического ассоциирования.

Однако это понятие не означает некоего управляемого единства и не связано с какой-либо ограниченной территорией. Мы хотели бы это подчеркнуть, чтобы не создалось впечатление, что в Санкт-Петербурге существуют этнические «колонии».

Несмотря на неудовлетворительность понятия «община», мы решили его применять, так как в языке оно имеет собирательное значение для существования этнических организаций и, кроме того, употреблялось самими информантами.

Поскольку речь идет об обыденном словоупотреблении, когда нередко наряду с формальными институтами имеются в виду и неформальные социальные сетевые структуры, неорганизованные представители соответствующих этнических групп включаются в поле влияния ассоциаций.

В то же время «община» всегда является только организованной частью этнической группы, которая в каждом из обсуждаемых здесь случаев понимается значительно шире. Принятое в англоязычной литературе понятие *community* не полностью отражает положение вещей, так как заведомо предполагает, что образцы поведения и взаимодействия и/или политика внутри *ethnic community* обязательно регулируются и образуют собственное пространство власти (*governance*) (см. [9]).

Такого исключительно этнически дифференцированного социального пространства, да еще территориально ограниченного, в российских городах не существует.

3. Методы исследования и формирование понятий в процессе полевой работы

Исследование опиралось на участвующее наблюдение в этнических организациях и серии проблемно-ориентированных интервью как с активистами и членами общинных организаций, так и с «неорганизованными» представителями соответствующих этнических групп, а кроме того, с экспертами (чиновниками, политиками, учеными). В беседах с информантами акцент делался, в первую очередь, на их собственном жизнеописании, происхождении и образе жизни семьи, самоидентификации (причисление себя к определенной этнической и социальной среде), опыте ксенофобии, отношении к этническим и религиозным организациям соответствующей общины. В интервью затрагивались также темы существования и использования этнических сетей и возможных намерений и мотивов эмиграции. Однако схема интервью служила лишь для ориентации социолога, беседующего с информантом. Время и последовательность разговора ограничены не были, информант по собственному усмотрению излагал свою «этническую биографию».

Выбор информантов осуществлялся по принципу «снежного кома», при этом этническая принадлежность определялась исключительно на основе самоидентификации партнера по беседе. Как показал дальнейший ход исследования, методически оказалось исключительно важно не полагаться на определение этнической идентичности извне, как это обычно происходит в исследованиях². То, что формирование этнической идентичности – это процесс, может быть продемонстрировано только в том случае, если информанту предоставляется возможность самому рефлексировать на эту тему.

Одним из важных побочных результатов исследования стал вывод о том, что подавляющее большинство наших информантов весьма неуверенно высказывалось по поводу собственной этнической

² Как на яркий пример укажем на исследование евреев в Москве, Минске и Киеве [10]. Отбор респондентов в нем был основан на «еврейских» фамилиях. Этот опыт определения этнической принадлежности по имени сам по себе показателен и весьма сомнителен. Кроме всего прочего, из поля зрения исследователя вообще выпадают люди, не обладающие «типичной» для евреев фамилией. Практически все соответствующие российские (советские), а часто и западные исследования так или иначе связаны с зависимостью от формального «этнического» статуса (например, записи в паспорте), хотя соответствующее этническое самосознание может как присутствовать у человека, так и абсолютно отсутствовать.

